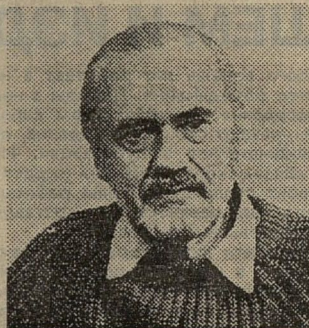

Глеб
ГОРЫШИН

ПРИЕДУ в деревню, обживусь, обязательно всякий раз приходит на память как вытверженное, свое: «Опять я в деревне. Хожу на охоту, пишу мои вирши — живется легко». Ближе всего лежит, проще, то есть лучше не скажешь. Интересно бы исследовать, у кого из поэтов мы взяли больше всего строк, строф, образов — для самовыражения, понимания, кто мы такие. Крылатые фразы поэтов и нас окрыляют. В этом отношении первый, конечно, Пушкин, а следом за ним (местами и поперек) Некрасов. Блоковское: «Россия, нищая Россия, мне избы серые твои...» — красиво, но вне тебя, а некрасовское: «Средь высоких хлебов затерялось небогатое наше село...» — в тебе, твоя родина, хотя и в грустно-прекрасном отдалении. Ближе всех — у Есенина, как вода в роднике: прикладывайся губами, глотай, утоляй жажду-потребность быть русским.

Нет в тебе этой жажды или утолил ее чем другим (как нынче пишут на боках троллейбусов: «Наше поколение выбирает пепси-колу»), и говорить с тобой не о чем, отойди, не путайся под ногами. Есенин дал русской душе так нужные ей слова — упиваться сладостной тоскою по родине. Есенину предшествовал Некрасов.

На эти размышления меня навела книга Николая Николаевича Скатова (он и автор книги «Кольцов», в «ЖЗЛ»). Такая радость нынче — новая книга для чтения-размышления, с близкими тебе мыслями, написанная со знанием твоего родного языка! все равно, что выбирать из зачумленного города на природу, ту же что при Некрасове.

*Опять она, родная сторона,
С ее зеленым благодатным летом!
И вновь душа поэзией полна...
Да, только здесь могу я быть поэтом.*

У Некрасова было село Грешнево, потом Карабиха, барский дом, поместье, охотничьи угодья под Чудовым У Тургенева — Спасское-Лутовиново. У Толстого — Ясная Поляна. У Островского — Щельково. У Пушкина — Михайловское. Достоевский — самый городской наш писатель, и тот купил дом в Старой Руссе, над рекой Перерытицей «Тихий Дон» — из жития Шолохова в станице Вешенской. Русскому писателю для осуществления таланта нужна была почва — сельщина, уходящая корнями в историю нации, с ее языческим отношением к природе как живому лицу; здесь черпали любовь, красоту.

Но чтобы обрести в себе «родную сторону» как лучшее в мире, родину поэзии, наши искусники слова, каждый по-своему, пережили отрыв-отлучение от русской почвы. И затем возвращение. Горше всех досталось свидание с родиной после разлуки Есенину: вернулся с распростертыми объятиями — «К черту я снимаю свой костюм английский» — а родная сторона стала чужой. «В своей стране я будто иностранец».

В судьбе Некрасова явственно прослеживаются драматические линии отрыва от родной почвы, покаяния, возвращения — обретения поэтических сил, божественной настройки таланта с запасом на вечность. Прочтешь судьбу Некрасова (судьба поэта в его стихах) как нечто лично тебе причастное, живое, развивающееся в понимании, дает возможность книга Николая Скатова «Некрасов». Закрываешь последнюю страницу — и задумываешься.

Проследивание «линии» — это одно, а человеческая личность, тем более отмеченная знаком особой русской гениальности, так же загадочна, как Вселенная. Кто такой был на самом деле Николай Алексеевич Некрасов? Неумный охотник, в одиночку хаживал на медведей, в одном письме Тургеневу похвалялся, что свалил девятно одного дупеля. Игрок по-крупному, в финансовые игры. Петербургский барин первой статьи. Главное лицо в русской журналистике своего времени. Муж жены своего друга Ивана Панаева. Великому ученику, страстотерпцу, почивший в немыслимых страданиях (рак прямой кишки). Самый «простонародный» из поэтов-дворян. А до всего этого побыв в рубище «бедного человека» из романа Достоевского, обжил петербургские трущобы. И — завоевал мир властью денег.

Нам не побывать на некрасовских охотах, на дупелей или на медведей (с ним бывала его последняя пассия Зиночка, по оплошности застрелила любимую собаку Некрасова; хозяин поставил собаке памятник), не посидеть рядом с ним в игорных гостиных, не заглянуть за шторы его амурных романов... Вот бы кто-нибудь написал роман о Некрасове! но где возьмешь романиста? Да и жанр романа о корифее литературы — французский. Наш удел — литературоведение, в этом мы преуспели.

Долгие годы наши некрасоведы довольствовались тем, что открыл в Некрасове Ленин: по мнению Ильича, редактор «Современника» обрелась где-то между Чернышевским и либералами; будучи «лично слабым», склонялся к либералам. В своей книге Николай Скатов «переоценивает» ленинскую оценку поэта, ищет и находит в личности, деяниях своего героя не «слабость», а «силу»...

Ну, хорошо, допустим, Некрасов не колебался между тем и этим, отвечал на хамское к нему отношение Герцена, а потом и друга Тургенева гордым молчанием, не звал, заодно с Чернышевским, Русь к топору... Но разве такая перемена оценочного знака приближа-

Н. Скатов. «Некрасов». М., «Молодая гвардия». 1994 г. — Серия «Жизнь замечательных людей».

ет нас к пониманию личности и судьбы Некрасова? Едва ли... Фигура проникновенного певца русской грусти и в то же время журнального магната не терит ореола загадочности. Это я не к тому, что автор книги о Некрасове Скатов «снизил тему», «упростил задачу». Но тайна сия велика есть. Стоит, стоит потратить жизнь, чтобы попытаться ее разгадать.

В книге Николая Скатова «Некрасов» сильно выражено личное авторское начало, то есть исследование представляет собой современное прочтение судьбы и стихов Некрасова, с непосредственным сопереживанием, как будто поэт поделился с грядущим — через полтора столетия — истолкователем чем-то сокровенным. Кстати заметим, что автор книги о Некрасове, как и его герой, тоже родом с берегов Волги, трудами и дарованиями поднялся из провинции в петербургскую ученую элиту, возглавил Пушкинский Дом... Но это уже биография Скатова, его личное дело, а перетолковать биографию Некрасова, изобилующую, мягко говоря, парадоксами, в выгодном для классика свете... для

сюжет, если угодно, фабула состоит из отрывов — возвращений, падений — возвышений.

Николай Скатов в книге о Некрасове сосредоточивает внимание на диалектике характера, жизненного пути своего любимого героя, разумеется, в не менее диалектичных реалиях российской действительности, проследивает путь как цепь парадоксов, непрерывное перемещение из одной крайности в другую. Он как бы вскрывает парадоксы изнутри, добываясь до сути; избранный исследователем (и превосходным писателем) метод сказался на построении книги, даже на стилистике. Вот к примеру: «Некрасов действительно был русским человеком, несчастным исчадием русской жизни с ее неизменными крайностями и неизбежными полярными противоположностями личного и общего, доброго и злого, богатого и бедного. Все это нес в себе».

Понятно, что приведенное умозаключение суть прозаический пересказ песенки из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»:

НЕКРАСОВ С КРАСНОЙ СТРОКИ

Лит. Россия. — 1996. —

12 сев. — с. 14

*Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка Русь...*

Мы можем сегодня заметить, что острозлободневные для своего времени стихи Некрасова пророчески предсказали и историческую перспективу вплоть до нашего с вами бытования на Руси. Прошло полтора столетия, а «жить в эту пору прекрасную», каковую лелеял в воображении поэт, помышляя о будущем России, все так же «не придется ни мне, ни тебе». Разве что «пора прекрасная» нынче рисуется кому-нибудь по-другому.

Да, мы верим Николаю Скатову: в чем был силен Николай Алексеевич Некрасов, дворянский сын, дитя питерской трущобной нищеты, так это в неподдавании обложившим его со всех сторон революционным демократам, им же вскормленным, выведенным в люди; он-то точно знал, что в России «ничего не будет» (в смысле демократического переустройства). Читая книгу Скатова, проникаешься пафосом автора, веришь в силу его героя на различных поприщах. Юный романтик-революционер Добролюбов, наблюдая вблизи своего высокого покровителя, редактора журнала «Современник» Николая Алексеевича Некрасова, дивился мощи заложенных в нем титанических сил, пытался внушить ему мысль, что он, Некрасов, мог бы стать русским Гарибальди, вождем в борьбе за освобождение народных масс. Юноша Добролюбов убивался, что титан тратит силы по пустякам: на журнальные баталии, медвежьи охоты, деревенское сибаритство, писание «простонародных» стишков. По счастью, Некрасов не внял уговорам своего юного неистового друга (Белинский был еще неистовее, и того пригревал-охлаждал Некрасов) и стал тем, чем стал.

Как подумаешь надо всем этим (над страницами книги Николая Скатова), сами понятия: «сила», «слабость», «свобода», «борьба» отступают в область бессодержательных абстракций. Говорят, что плачут от слабости. Но каково бы нам было без горестных стенок некрасовской лиры, без утишающих горе слез? Николай Алексеевич Некрасов, как никто другой (разве что Есенин), оставил нам гениальные примеры плача... по самим себе: «Выдь на Волгу, чей стон раздастся...», «Плакала Саша, как лес вырубали...», «И духовно навеки почил...». Привожу только самое близкое в памяти, на слуху (в книге Скатова дается академический разбор творческого наследия поэта в контексте русской и мировой поэзии). В стихах Некрасова — вся Русь, с ее народом, природой, каковыми их создал Создатель, — и препоручил слабому рабу своему не переделывать содеянное, а воспеть и оплакать.

Современное прочтение Некрасова суть осознание сказанного в стихах поэта частицей собственного Я. Не хочется изрекать банальностей, вроде того, что Некрасов — национальный русский поэт, но и нельзя ощутить себя вполне русским без Некрасова (как ученому немцу не ощутить себя таковым без Гегеля)... «Выди, выди в рожь высокую, там до ночки подожди...», «Вывесет все и широкую, ясную, грудую дорожку проложит себе...», «Как молоком облитые стоят сады вишневые...». Некрасов у тебя в мозгу костей.

Нынче русская нация переживает роковой момент в истории своего тысячелетнего существования. Вопрос: кто мы такие? — из области отвлеченных умствований переместился на реальную почву существования каждой ячейки жизни в России. Под угрозой уклад, характер, границы, природная среда, средства существования, литература, сам язык... В естественных, порою судорожных поисках, на что опереться, чтоб не упасть, обращаешься мыслью и сердцем к гениально запечатленной в слове поэта истине — о нас, русских.

Это я к тому, что книга Николая Скатова «Некрасов» написана, издана как нельзя более ко времени. Тем более, что не за горами 175-летие вечно живого поэта.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Глеб Александрович Горышин родился в 1931 г. в Ленинграде. После окончания в 1954 г. Ленинградского университета работает в газете «Молодежь Алтая». Был в экспедициях на Ангаре, в Забайкалье, на Колымском полуострове. Первый рассказ «Лучший лопман» опубликован в 1957 г. Автор около 30 книг прозы. Живет в Санкт-Петербурге.